

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ

**Безбрежное
сіяніе**

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ

**Безбрежное
сіяніе**

СТИХОТВОРЕНІЯ

I

О луч утра! О золотой призыв!
О на лужайках солнце и жужжанье,
Букашек ползанье, травы дрожанье
И вѣтерка волнующій порыв!

Иду, иду, всѣ пути позабыв,
Весь окунуться в это трепетанье,
Весь раствориться с ним в одно дыханье,
В лазурно-опьяняющій призыв!

Он набѣжал, и бѣдная душа,
Захвачена меж счастья и томленій,
Молчит, живет, внимает чуть дыша.

Залиты солнцем всѣ кусты сирени,
Лучами и прохладой дрожа,
Блестит трава под дымкою весенней.

1926

Из цикла: «ЮНОСТЬ»

Верхом, верхом! Как утро разгорѣлось!
Пора, пора! Скорѣе на коня!
Как все кругом раскрылось и распѣлось!
То утра зов, то утро ждет меня.
Как солнце луг под окнами пригрѣло!
Скорѣй туда — облить водой все тѣло!

Ты помнишь ли: огнистою слезою
Горят цвѣты и травы на лугах. . .
Меж лопухов, обрызганных росою,
Иду к конюшнѣ в мокрых сапогах.
Как разгорается восток все шире! . . .
Как все горит и блещет в юном мѣрѣ!

Ты помнишь ли тот трепет свѣтло-синій,
Ты помнишь ли тот золотой простор:
Как мы неслись меж зарослей полыни,
Как жадно вдаль впивался юный взор,
И как чрез пар, в мерцаньи злато-сѣром
Мы понеслись неистовым карьером?

Несемся мы, а вѣтерок весенній
То лоб щекочет, то прильнет к щекѣ.
Струятся волны золотистых тѣней,
И лѣс дрожит и манит вдалькѣ...
И вот на луг, съѣзжая вниз оврагом,
Мы лошадей пустили тихим шагом.

Въѣзжаем мы под свод вѣтвей шуршащих,
В чертог зеленый молодой весны.
Как все поет и свищет в этих чащах!
И вдруг опять — прорывы тишины.
— «Давай считать — (как тишина ликует!)—
«Сколько нам раз кукушка прокукует?»

Конец октября 1945

Весенній сонет

В моих ушах звенит волшебный рог,
Что изрѣдка, над сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог,
С увитою цвѣтами головою.

Один, в тѣни трепещущих осок,
Я здѣсь прилег, меж кашкой луговою,
И тихій звук игривый вѣтерок
Приносит мнѣ и шелестит травую.

Я слушаю, а сладостные сны
В лучах сіяющих, что сходят с вышины,
Тѣснятся надо мной, невидимые взору;

И тихо все, лишь вѣтер нѣжит слух;
И в тишинѣ полей стремится дух
К безмолвным небесам и вѣчному простору.

1904

Я спал в своей постели. Мнѣ ж казалось,
Что я лежал на трепетном лугу,
И желтые и синіе цвѣты
Вокруг меня без счета волновались.
Я чувствовал медвяное дыханье,
Тот легкий пар, что от лугов восходит,
Нагрѣтых ранним солнцем на зарѣ.
Я чувствовал, как теплый вѣтерок
Мнѣ прядь волос трепал на лбу, а сам он
Был растворен, согрѣт лучами утра.
И был покой. И тишина лугов
Безбрежная охватывала душу,
Охватывала тѣло. Я молчал
И радовался этим синим волнам,
Весь упоен дыханьем медвяным.
И грѣло солнце, и струи дрожали,
И расходились синими волнами
Круги цвѣтов, дрожавших на зарѣ.

1926

Что видѣл я там на горѣ,
Гдѣ тишина и радость храма,
Гдѣ вмѣсто клубов фиміама
Туман струится на зарѣ?

Богослуженіе дубов,
Охваченных лазурью чистой,
И трепет дымки золотистой,
Наброшенной на темь лѣсов.

1922

О тишь и жар! Высокій сонм крапивы
Над свѣтлым прудом дремлет, чуть дыша.
Скользят и шепчут зыбких струй извивы,
Нежданных снов коснулася душа.

Под трепетом іюньскаго привѣта
Горит и блещет и сверкает синь.
Цвѣтет тростник. Струит свой зов полынь.
И даль близка, и так земля согрѣта.

1950

Тишина

В лѣсной шалаш над гладью зыбкой пруда
Я раз зашел. Зеленый полусвѣт.
Трепещущія чащи изумруда
Сквозь окна шлют со всѣх сторон привѣт.
Дрожит камыш, и в сердцѣ еле-еле
Как будто струны дальнія запѣли.

То четкой, полнолѣсной струною
Вдруг прожужжит косматая пчела,
То все опять объято тишиною.
И так душа недвижна и свѣтла:
Как бы рѣки зеркальное теченье,
Без слов, без звуков, внутреннее пѣнье.

Над круглыми пловучими листьями,
Блестя, кружится желтый мотылек.
Иду, иду заросшими путями
Над берегом, меж трепетных осок,
И тишина полуденной истомы
Есть голос мнѣ любимый и знакомый.

20 окт. 1945

В тиши лугов — там, гдѣ ручей змѣится,
Медовый клевер шепчет молвь свою.
О ткань лучей! А сквозь нее струится
Моя Мечта, которую люблю.

Кругом порыв без грани, без предѣла.
Лучи, лучи и радость без конца!
Как будто радость та весь мiр одѣла,
Как будто новый мiр свивает в тѣло
Сiяніе лазурнаго вѣнца!

1927

Над озером, уснувшим меж овсами,
Порой лишь чибис прозвенит в глуши,
И льется мир над свѣтлыми лѣсами
В сiяющей лазоревой тиши.

Насыщен солнцем воздух. Чуть замѣтно
Качнулся лист. Недвижима сосна.
Как озеро прозрачно и привѣтно,
Как будто раскрывается до дна!

25 авг. 1951

Вечерній сонет I

Был вечер. Дождь все шел. А там вдали горѣли
Прощальной славою заката небеса,
И было так свѣтло, и так в сіяньи млѣли,
Одѣты дымкою, кудрявые лѣса.

Простор безбережный! Лишь перьями алѣли
Остатки туч, но пронеслась гроза.
Шептались ивы, чуть дрожали ели,
С них капала прозрачная слеза.

В глуши лѣсной уж пробуждались трели,
Уже дышал в ней ландыш, свѣж и чист.
Струи потока гасли и синѣли.

Как этот час отраден и душист!
Как помыслы внезапно просвѣтлѣли!
Как, засыпая, колыхался лист!

1907

Вечерній сонет II

Поля шумят златистою волной,
Нисходит вечер, свѣжій и туманный,
Объято все знакомой и желанной,
Знакомой и завѣтной тишиной.

Там, гдѣ стада бредут над крутизой,
Как блещет луг, уже росой убранный!
И как покров вечерній, златотканый
Нисходит над долиною рѣчной!

Охвачены безбрежною тоской,
Так трепетны струи лазури чистой,
И пьют поля, так жадно пьют покой.

Послѣдній луч сверкнул в долину мгlistой,
Послѣдній луч погаснул за рѣкой,
И так запах травую луг росистый.

1910

Из юности
(Отрывок поэмы)

Я рос один среди дѣдовской деревни
Под сѣнью лип, у старого пруда.
Огромный дом, таинственный и древній,
Террасами спускался в сад. Туда
Я на зарѣ бѣжал весной зеленой
— Бродить в травѣ, росой окропленной...

И слышал я: вверху над головою
Весенній гул — то липы и клены
Склоняются блестящею листвою,
Врываются привѣтом в мои сны,
И чудилось: дыханьем жизни юной
Звенят, дрожат невидимыя струны.

Там среди цвѣтов сіяющаго луга,
Гдѣ вѣтер замирает на лету,
Меж стебельков, трепещущих упруго,
Под яблоней, недвижимой в цвѣту,
Я там бродил или лежал часами,
Весенними пронизан голосами...

А солнца луч! Искряся и сверкая,
Он звал меня, и все опять зовет,
Все далѣе сквозь чашу увлекая
Сюда, на берег посребренных вод,
Гдѣ в камышѣ, рукою осторожной
Запрятан, ждет меня мой челн
надежный...

Он на воду скользнул. Сомкнулись ели.
Как крылья весла движутся мои!
За мною — сад, весь полный птичьих трелей,
Навстречу мнѣ — огнистыя струи,
Охваченныя пляской молчаливой. . .
А вот и берег. Весь зарос крапивой.

То остров был, таинственный и чудный,
Взлелеянный на озера груди;
Он окружен каймою изумрудной
Прибрежных трав. А роща посреди
Полна и грез и дивных приключений,
Завѣтный край ребяческих видѣний! . .

.

Но в час иной, в лазурный час вечерній,
Когда поля так жадно пьют покой,
Стучало сердце радостнѣй, безмѣрнѣй,
Охвачено безмѣрною тоской. . .
И чудилось тогда, что без усилия
В душѣ растут и вырастают крылья!

1907, 1920, 1922

Вечерній покой

Как луг цвѣтет! Как в липах одиноких
Вечерніе рокочут соловьи!

О умири печаль своей любви
Молитвою о близких и далеких!

Весь упоенный, стебель цвѣтка дрожит
И тишина росистая струится,
И сердце вновь покой обрѣсть стремится —
— Тот сладкий мир, что сердце умягчит.

Іюнь 1911

Тихо розовым сіяньем
Облиты вершины гор,
Догорающим мерцаньем
Чуть дрожит морской простор.

Тонет парус в мглѣ туманной,
Кротко сходит тишина,
Словно вѣстію желанной,
И чудесной и нежданной,
Вся душа озарена.

И объаты тишиною,
Чуть дрожат уста мои
Перед бездной водяною,
Перед тайною Любви.

1909

Погаснул день. Росисты и кудрявы
Молчат кусты. Раскрылась желтофіоль.
Ложится тѣнь от дремлющей дубравы
На мокрый луг. Проснулась в сердцѣ боль.

Весь день, весь день бродил я перед домом,
Всю ночь, всю ночь тебя я звал в тиши.
В краю ином, в далеком, незнакомом,
Слыхала ль ты призыв моей души?

1912

Моей души живительная дума,
Моей души завѣтная мечта!
Мой перл! Тебя среди земного шума
Не назовут дрожащія уста.

Когда один я вечером печальным
Сижу, погасла за окном заря,
И хоры звѣзд уже прудом зеркальным
Отражены, мечта и горя, —

— В тот тихій час встаешь Ты предо мною,
Пронесся в сердцѣ звук шагов Твоих,
И я, к Тебѣ склоняясь головою,
Ищу покой в объятях дорогих.

Пусть дремлет мир, пусть ночь кругом утрюма, —
Но чрез Тебя мнѣ свѣтит темнота...
Моей души живительная дума!
Моей души завѣтная мечта!

1909

Как громко, как отчетливо, как звонко!
То ликование птичьих голосов.
И смолкло вдруг. И только струйкой тонкой
Каких-то щебетаний дальний зов.

Недвижима зеленая завѣса,
И загорается роса...
И свет, и блеск, и птичьи голоса...
И радостно безмолвна тайна лѣса.

Сентябрь 1955

Ты знаешь комнату: скользят и пляшут тѣни
Узорчатых кленов на крашенном полу?
Старинный книжный шкаф орѣховый в углу,
Обвѣян отзвуком минувших поколѣній.

Я книгу с полки взял. В мальчишеском пылу
Бѣгу скорѣй в зеленый сад весенній.
Из томика стихов завѣтных гѣсен геній
Влечет с собой в таинственную мглу.

А сад кругом цвѣтет. Ты слышишь сладкий звон?
Дрожит, зовет и нарастает он
И отдается в сердцѣ мнѣ приливом.

Прохладный майскій день. В тѣни вѣтвей
Вдруг пропоет так звонко соловей,
Гдѣ старый дуб недвижим над обрывом.

1955

II

Из сказки

Есть страна — ни свѣтла, ни угрюма:
Там неслышно проходят года,
Как одна безконечная дума,
Как о счастіи дальнем мечта.

Там сквозь звонкія плиты чертога
Уж пробились трава и цвѣты,
Сѣни роз разрослись у порога,
И дремотны лѣсные цвѣты.

Набухающей свѣтлой слезою
Тихо каплет вечерній фонтан,
Насыщается воздух росою
И так сладок мечтаній туман.

Небо блещет, как праздник вѣнчальный,
Золотыми обрывками снов;
Гдѣ-то в глуби прозрачно-печальной
Изливается пѣсня без слов...

... О уйти бы из жизни угрюмой,
В этот край бы бѣжать, гдѣ года —
Как одна безконечная дума,
Как о счастіи дальнем мечта!

1907

Капитолій

Там наверху б'ял'бет Ага Соелі,
Озарена сіяніем луны,
Ступеньки б'ялыя из вышыны
Зовут с собой к далекой, дивной ц'флі.

Внизу — недвижен конный Марк Аврелій,
В сребристый мрак дворцы погружены,
И царственно дыханье тишины,
И лишь фонтан лепечет еле-еле.

Пойдем туда, в далекий угол сада
(Нас ночь сюда нежданно завела).
Блестит дорожка. Все сильн'йй прохлада.

Там высится Тарпейская скала,
Средь мирт и лавров, с'брая громада.
В'вет лимоном. Ночь полусв'тла.

13 авг. 1954

Лунная ночь

Ночь золотая, чаша аромата.
Я упоен дыханіем ночным.
Из этой чаши, трепетом объята,
Струится тишь по глубинам земным.

Как ярк лунный св'т, как четки т'вни!
Звенят цикады в тишин'ь ночной.
Недвижно дремлют бл'дныя ступени,
Преображенныя луной.

1947

Как будто баркаролла

(Шалость)

О молчащія струны,
О тишина...
Над зыбью лагуны
Луна!...

Так осторожен
Весельный всплеск;
Радостно-тревожен
Лунный блеск.

Лунный блеск и трепет лагуны,
Сіянье без слов...
О молчащія струны,
О хоры снов!...

Даль безшумно и мѣжно
Прохладой дарит.
Видишь: безбрежно
Она горит, —
Всѣми огнями горит,
Огнями и лучами говорит.

Ночные звуки

Есть старая сказка — преданье
Из Индии, дивной страны,
Что слышится в полночь рыданье
Сквозь говор священной волны.

Смоковницы тѣнью угрюмой
Склонились над зеркалом вод —
Охваченный грустною думой,
Огромный нѣмой хоровод.

Но чу! — зашуршали мимозы;
Вот — Лотос расправил листы,
Утес льет кристальные слезы,
Вздыхают лѣсные цвѣты.

Как будто в томленьи разлуки,
Прервалася пѣснь соловья,
Исполнена скорби и муки,
И плачет, и стонет земля.

Не думай: тѣ звуки случайны.
В отвѣт, в глубинах голубых,
Вот — звѣзд безконечныя тайны
Зажглися из букв огневых.

1907

Храни источник свой в тѣни вѣтвей сокрыто!
В прозрачный час, когда не пышет зной,
Склонися над серебряной волной,
Сбѣгающей в гранитное корыто!

Как глубь лѣсная тишиной повита!
Как неподвижен воздух смоляной!
Здѣсь, здѣсь душа учула зов родной,
Торжественным безмолвіем омыта.

О край души! Край тихих гѣсногѣній,
Что, как из чаши каменной струи,
Излилися, шепча меж грез и бдѣній:

Как мнѣ призывны всѣ струи твои!
И как стволов недвижимое мерцанье
Твоей святыни сторожит молчанье!

1943

Юношеский набросок

Завѣтные звуки рождаются не даром
На лонѣ смятенной души.
Как степь неожиданно вспыхнет пожаром,
Так вдруг пронеслись, удар за ударом,
Тѣ звуки в душевной тиши.

В Исландіи мшистой есть древняя сага
О водах цѣлбно-живых,
Но скрыта от смертных чудесная влага,
Ее не разыщет людская отвага,
Течет она в нѣдрах земных.

Но в годы страданій и горя людского,
Когда вымерзают поля,
Подземные гулы промчатся сурово,
Им эхо завторит в ущельи, и снова
Содрогнется со стоном земля.

И вмѣстѣ с столбом раскаленных камней
Вдруг вырвется ключ огневой,
И падают люди тогда на колѣни,
И нивы их пьют, средь молитвенных пѣній,
Струи этой влаги живой.

Так я, потрясенный, в смиреньи глубоком
Безмолвно дивлюсь на себя:
Мнѣ в сердце, объятые сном и пороком,
Побѣдным, живительным, мощным потоком
Вливается Жизни струя.

1906

III

У моря

Все тот же гул: призывной мощи полный,
Все тот же ритм: широкий вздох и всплеск,
И палево-серебристый блеск...
И эти зеленѣющія волны.

29 авг. 1948

Иду один... так радостно идти!
За мною — море и песок прибрежный,
И вѣтерок, так ласково небрежный,
Рубашку мнѣ колышет на груди.

Как льется жар и вмѣстѣ с ним прохлада!
Чуть вязнут ноги в пепельном пескѣ.
Лучи, лучи! Мнѣ бодро — налегкѣ:
Так хорошо, так ничего не надо!

1953

У морского залива

О звонкий час полуденнаго зноя!
Звенят, звенят нагѣвы тишины,
Прозрачныя морскія глубины,
Лазурныя, исполнены покоя.

Прохладный грот под сѣнію алая
Зовет к себѣ; там угнѣздились сны.
Вход сторожат сѣдые валуны,
Недвижимы и в бурный час прибоя.

И тишина, и звучное молчанье,
И всплеск волны, и благодатный зной,
И ящерицы меж камней мельканье...

Что случилось мнѣ? Как будто предо мной
Раскрылась дверь неожиданно в мір иной —
В безмѣрное, безмолвное Сіянье.

23—24 авг. 1951

Неслышные звуки

Моя душа полна мечты веселой
И трепетной и сладостной тоски,
Когда кругом смолкают лѣс и доли
И замирает зыбь рѣки.

Пусть тишина легла кругом широко —
— Моей души порыв растет, растет,
Как не сдержатъ бурлистаго потока
Весенних полнозвучных вод.

В моей душѣ звучит, как гимн побѣдный,
Торжественный и радостный прилив.
Омыться в нем! Забыв о жизни бѣдной,
Земныя дразги позабыв.

Как будто мѣр кругом охвачен обновленьем,
Так новый день в моей душѣ воскрес,
И все полно неслышным уху пѣньем...
И лишь в дремотѣ вторит лѣс.

Май 1911

На горном хребтѣ на Югѣ

Мята, мирт и горная полынь,
И лучи, и глуби горной дали
В тихій час мнѣ радость нашептали
На хребтѣ сѣрѣющих твердынь.

Подо мной вонзилась в камень ель,
Четкій куст недвижим над обрывом,
Воздух полн полдневных сил приливом,
Трепетен и звонок, как свирѣль.

И с высот нисходит в тѣсный дол,
Как поток цѣлительный, молчанье...
В темный мір, гдѣ вздохи и стenanье,
Принеси то, что ты здѣсь обрѣл.

Сент. 1928

Из Терезы Испанской

О чистота — безмѣрной глубины!
О глубина — безбрежнаго сіянья!
О в час ночной, в глубокій час молчанья,
Таинственные, трепетные сны!

Всѣ тайники моей души полны
Безмолвных слов и слез и воздыханья,
И слышно мнѣ, как будто трепетанья
Приносятся на крыльях тишины.

И раскрывается простор нежданный,
Простор бездонный радостных лучей,
Торжественный, безмѣрный и желанный,

И молкнет звук затверженных рѣчей,
И мір померкнул, блѣдный и туманный,
Перед сіяніем Твоих очей!

1920

Молчать и знать — да, знать, что есть Любовь,
И что Любовь — пылающая сила,
И что Любовь сама постановила
Отдать Себя, проливши Свою кровь.

Молчать и знать, и видѣть: нѣт конца
И нѣт границ, нѣт мѣры, нѣт предѣла,
Той силы нѣт, чтоб грань поставить смѣла
Любви безбрежной Сына и Отца.

1954

Неизреченное! Твои я слышу зовы.
Душа повержена в пыли.
Неизъяснимое! Вдохни дух жизни новой,
Будь мнѣ звѣздой, сіяющей вдали!

Из глубины, из пропасти забвенья
Опять узрѣл я незакатный свѣт:
Есть Жизнь и Жизнь! И только
Смерти нѣт.
Угасла Смерть в лучах Преображенья. . .

Весна 1943.